

Сергею Васильевичу сказали поехать на областной семинар идеологических работников. Сергей Васильевич не был ни идеологическим работником, ни кем-то из тех, кто каким-нибудь образом мог числиться таковым. Он был художником-графиком. А сказали ему поехать, потому что на Союз пришла разрядка, и секретарь партийной организации, парторг-фронтвик, показал на него, как свеженького члена Союза.

– Молодой, самое то! – сказал он председателю правления.

Этих слов председателю правления, а по партийной линии еще и члену обкома, вполне хватило, чтобы сказать Сергею Васильевичу, что он должен поехать и в должной мере проявить себя, то есть не ударить лицом в грязь, не опозорить становящийся ему родным Союз художников. Еще он сказал, что это высокая честь – быть участником такого семинара, что это будет отражено в его личном деле и пригодится в случае чего для характеристики.

Как себя вести в обществе идеологических работников, Сергей Васильевич не знал, но из вежливости не стал спрашивать, в какой именно должной мере он должен проявить себя, что именно должен он был делать, а что не делать, чтобы не ударить лицом в грязь. Он подумал – не говорить же им, например, что художник Доре, всем известный по иллюстрациям к Библии и Божественной комедии – это хорошо, а иллюстратор «Забавной библии» художник Эффель – это плохо. Или наоборот, не говорить же, что художник Доре – это плохо, а художник Эффель – это хорошо.

– Да вот буду молчать! – сказал себе Сергей Васильевич.

– Ты там не молчи! Ты там скажи, что художники области с энтузиазмом откликнулись на решения последнего пленума ЦК КПСС! – сказал председатель правления.

– Поезжай да помалкивай! Оно лучше будет! – сказал секретарь партийной организации, фронтвик.

Так и поехал Сергей Васильевич на областной семинар идеологических работников, который намечался, как любили выражаться газетчики, в глубинке, то есть в одном из городишек области.

Его соседями в купе оказались двое мужчин и женщина. Все были ровесниками Сергею Васильевичу. Первый из мужчин был высок, худ, мрачен и молчалив. Второй, прямо по Гоголю, был ему противоположностью. Он был низок ростом, толст, даже рыл, и зычен голосом. Его Сергей Васильевич услышал, лишь вошел в вагон. А женщина была симпатичной – не то чтобы совсем, но, как подумалось Сергею Васильевичу, для идеологического работника она гляделась очень хорошо. Раньше Сергей Васильевич не имел дел

с идеологическими работниками, если не считать своего в доску парторга-фронтвика. И при известии о семинаре он помимо себя напрягся и попытался представить, какие они, идеологические работники. Были они вроде бы обычными людьми. Но одновременно в представлении Сергея Васильевича были они не совсем обычными, а какими-то значимыми, владеющими чем-то таким, что давало им право проводить политику партии и правительства в жизнь или даже определять эту политику, зародившуюся, как известно, еще в легендарные времена Владимира Ильича Ленина и многих других деятелей революции. Может быть, всякие диссиденты и инакомыслящие думали иначе. Может быть, они идеологических работников не только не числили значимыми, но и не любили. И в целом по народу идеологических работников в виде работников райкомов и парторгов на местах тоже недолюбливали. Но это еще ни о чем не говорило, так как диссидентов и инакомыслящих по народу не любили совсем. А Сергей Васильевич хоть и был художником, то есть как бы вольнодумцем, но он был с народом, как того добивались партия и правительство.

С соседями Сергей Васильевич поздоровался, спросил свое место, оказавшееся нижней полкой. На ней сидел идеологический работник с зычным голосом.

– Давайте знакомиться! – зычно сказал он.

Сергей Васильевич назвал себя. Худой и мрачный идеологический работник промолчал. Симпатичная женщина назвалась Татьяной Николаевной. Сергей Васильевич посмотрел на толстого и рыхлого идеологического работника, сидящего на его месте.

– Вы из какого райкома? Что-то я вас не знаю! – зычно спросил тот, не называя себя и ничуть не шевеливаясь с места Сергея Васильевича. А узнав, что Сергей Васильевич не из райкома, а из Союза художников, вдруг весь идеологически подобрался. – А, творческая интеллигенция! А что вы, творческая интеллигенция, никак раскататься не можете? Что вы никак не можете дать нам агитационный материал в виде ваших произведений по Продовольственной программе партии? – вскричал он.

Сергей Васильевич не ждал подобного начала своего пребывания среди идеологических работников и не смог ничего сообразить в ответ. Он только успел подумать, что вот оно начинается, то самое, когда нельзя ударить лицом в грязь и опозорить родной Союз художников.

На помощь к нему поспешила Татьяна Николаевна.

– Да вы, Павел Петрович, хотя бы сначала место молодому человеку освободили! Дайте ему осмотреться! – сказала она зычному и несшевелившемуся с места Сергея Васильевича идеологическому работнику.

– Было у них время осмотреться, Татьяна Николаевна! Уже год, как принята Продовольственная программа. А я никакого отклика на нее от них не вижу! Ни романа не сочинили, ни картины, ни какой-нибудь песни не написали! – зычно сказал несшевелившийся идеологический работник.

– Но для того, чтобы появилось художественное произведение, нужно время! – сказала Татьяна Николаевна.

– Нет у нас времени ждать их! Наша задача мобилизовать их на пропаганду решений партии! И об этом надо говорить на семинаре! – сказал несшевелившийся идеологический

работник, и Сергею Васильевичу послышалось нечто из того, что он, художник-график Сергей Васильевич, зря ест народный хлеб, для роста урожая которого ничего не сделал.

– Да вы же о нем ничего не знаете! – сказала Татьяна Николаевна.

– А пусть он сразу получит нужный настрой! Это им на пользу! – сказал несшевелившийся идеологический работник.

И никто ничего на это не ответил. Мрачный и молчаливый идеологический работник так и продолжил мрачно молчать. А Татьяна Николаевна отвернулась в чернильно-черное окно, тускло отражающее купе.

– Вот он молчит, значит, ему нечего сказать! – сказал после минуты молчания несшевелившийся идеологический работник.

Еще через минуту поезд тронулся. Сергей Васильевич не стал ждать, когда сшевелится с его полки несшевелившийся идеологический работник. Он полез наверх и не самое свое хорошее настроение попытался выправить словами: «Да черт с ними со всеми!» – но ничего в настроении не выправил и пожалел себя, так как предстояло ему в такой идеологической атмосфере пребыть целых два дня.

В городишко приехали рано утром. Вышел из вагона Сергей Васильевич и удивился, сколько много их оказалось, участников идеологического семинара. Еще в купе несшевелившийся вчера идеологический работник сказал: «Ну что, творческая интеллигенция!» – Сергей Васильевич опять смолчал и молча взял из рук Татьяны Николаевны ее сумку. Татьяна Николаевна на него коротко и в благодарности взглянула. Он в ее взгляде увидел еще что-то, что можно было бы назвать ее к нему интересом, совершенно женским, конечно, а не идеологическим. Сергей Васильевич ответил ей короткой же улыбкой и улыбки своей застенялся. Он подумал, сколько проще ему со своими, с художниками, даже если они из прекрасной половины. А потом подумал про Татьяну Николаевну – и ей ведь проще со своими, даже если они такие, как этот, вчерашний несшевелившийся.

Приехавших встретили прямо на перроне хлебом-солью, приветственным словом руководителя района, а потом вперед вышла художественная самодеятельность с баяном. Она сплясала и спела что-то игривое, но идеологически выдержанное, наверно, как раз про Продовольственную программу. Сергей Васильевич, остановившийся в задних рядах, не особо что расслышал.

Поехали к месту семинара в трех автобусах. В свой автобус Сергей Васильевич постарался войти последним. Татьяна Николаевна позвала его к себе на одно из передних сидений. Сергей Васильевич улыбнулся и молча прошел на последнее. К Татьяне Николаевне тотчас пересел вчерашний несшевелившийся.

Поехали в сопровождении машин автоинспекции с воем и трескотней. Каждый перекресток на пути был перегорожен сотрудниками милиции в парадной форме с белыми ремнями и в касках. Все они брали под козырек. Сергей Васильевич, увидев это в первый раз, даже не поверил своим глазам и застыдился, и потом каждый раз себе говорил: «Ну, зачем же так-то!» – Ему было стыдно и за себя, и за всех, кто сидел в автобусах, и за район-

ное начальство, явно приказавшее брать под козырек, и за сотрудников милиции, вынужденных приказ исполнять и тем смахивать на дореволюционных городских, столь много и не совсем положительно выведенных в литературе и кинематографе.

Разместиться привезли в гостиницу, двухэтажное длинное здание серого силикатного кирпича и, конфузясь, предупредили, что горячей воды нет, холодная вода только в умывальных комнатах, а другие удобства, к сожалению, во дворе. Сергею Васильевичу, выросшему в деревне и отслужившему срочную на амурской заставе Широкий Ключ, где дощатое сооружение, призванное служить удобством, летом позволяло сквозь щели и через широкую пойму Амура, не отрываясь, так сказать, от процесса, наблюдать за сопредельной территорией, а зимой не задерживаться в нем не единой лишней секунды, известие ничуть не тронуло. Некоторых идеологических работников оно не тронуло тоже. А некоторые не упустили возможности, как бы это сказать, адекватно, что ли, отреагировать. Тот же вчерашний несшевелившийся зычно заявил, что у них в районе он всех разместил бы не хуже, чем в московской гостинице «Россия».

– Приезжайте к нам в Бабалым! – заявил он и демонстративно пошел в умывальник, омоветься, так сказать, с дороги, разделся по пояс и стал плескать себе под мышки с таким показным усердием, что вокруг себя жутко наплескал.

Разместились в комнатах по два. Сергею Васильевичу достался поджарый, загорелый и вполне симпатичный идеологический работник Григорий Иванович, отрекомендовавшийся третьим секретарем райкома, то есть как раз секретарем по идеологии. Узнав, что Сергей Васильевич художник, более того, член Союза художников, он искренне восхитился и заявил, что дома будет всем об этом с гордостью рассказывать.

– Товарищи! Постигал ли вас когда-нибудь случай оказаться в самом скверном городишке нашего края? – стал он сочинять то, как будет рассказывать дома с намеком на лермонтовскую Тамань, которая, как известно, в одноименном рассказе названа у него самым скверным городишком из всех приморских городов. – Постигал ли? Нет? А меня постиг и не только постиг, а подарил честь спать на соседней койке в самой скверной гостинице с настоящим, не побоюсь этого слова, художником!

Потом Сергей Васильевич узнал, что Григорий Иванович «не боялся этого слова» в основном в отношении женщин.

– О, женщины! Не побоюсь этого слова! – как тец со сцены, декламировал Григорий Иванович женщинам.

Городишкенский райком партии размещался в старом купеческом особняке на берегу реки с видом на заречные низкие, явно болотистые дали. Сергей Васильевич остановился у окна посмотреть на них. И они у него на глазах вдруг смазались обложным косым дождем – прямо, как на хорошей акварели. И смазанная даль, и купеческий особняк, и хорошая акварель – все это прихлынуло Сергею Васильевичу чем-то щемящим, и он подумал: «Зачем же

этот идеологический семинар! Лучше бы все сейчас посмотрели в окно!» – он так подумал, но что-то идеологическое уже вцепилось в него. А может быть, не идеологическое. Может быть, деревенское всплыло в нем. И он подумал, каково-то сейчас в поле мужикам.

Вот так Сергей Васильевич остановился посмотреть в окно, а все кинулись к столам с книжной торговлей, игнорируя даже столы с чаем, бутербродами и прочими закусками. Сергей Васильевич смотрел в окно на размытую акварель косого дождя, каким-то своим однообразным серым тоном не особенно и привлекательную, но при этом щемящую, а краем бокового зрения он увидел толчею около столов с книжной торговлей. Его тоже потянуло к столам. Однако некий внутренний бес, вечно живущий в нем, некая стеснительность, в городе именуемая гордыней и дуростью, а в деревне скромностью, остановили его. И он стоял у окна, смотрел на законную акварель, краем же бокового зрения не мог оторваться от толчеи у столов, говорящую, что привезенные для семинара книги были из тех, которые никогда не появлялись на магазинных полках. И пошел он к столам, когда толчея поредела, когда от столов ушли нагруженные и довольные, можно даже сказать, счастливые обладатели этих самых никогда не появляющихся на магазинных полках книг. Он подошел к столам. С десятков человек еще пребывали у столов, еще выбирали, еще листали, еще гадали, купить то или купить это. Сергей Васильевич подошел и сразу взял явно ненужный в идеологической работе хорошо изданный том избранных сочинений Плутарха. Ему стало радостно от покупки. На него все, на миг оставив свои гадания, покоились, внимательно взглянули на его покупку и облегченно отвернулись – он взял нико-му не нужное, он не обездолил, не заставил запоздало пожалеть, что вовремя не заметили.

По-другому на него взглянул вчерашний мрачный сосед по купе. В зале заседаний Сергей Васильевич случайно сел позадь него, перебиравшего свою кипу книг. И только Сергей Васильевич сел, он вдруг оглянулся, увидел его приобретение и едва не помертвел своим мрачным лицом.

– Что? Там было? – отрывисто спросил он, оставил свою кипу и кинулся из зала к столам. Вернулся он ни с чем.

– В единственном экземпляре было! – мрачно сел он на свое место.

Сергей Васильевич скосил взгляд на его кипу и увидел Дюма, Мопассана, что-то из фантастики и еще что-то, чего он разглядеть не смог.

Семинар начался выступлением руководителя района, сказавшего, каков из себя район, и как его труженики претворяют в жизнь решения партии и правительства. Говорил он не очень гладко, а вернее сказать, совсем не гладко, в некоторых предложениях сумел спутать падежи, числительные и предлоги, сказав, например: «Задача тружеников района стоит на том... – или: – Урожай прошлого года составил более триста...» – и так далее. Сергею Васильевичу вновь, как и в случае с милицией, стало стыдно. «Ведь у него перед глазами доклад! И он идеологический работник, то есть он по самой профессии должен говорить хорошо!» – подумал Сергей Васильевич и вспомнил анекдот, сходу, еще пока размещались в комнате, рассказанный Григорием Ивановичем. «Ну-ка, скажи, кто

быстрее всех приберет свое рабочее место? – спросил Григорий Иванович и не стал ждать ответа. – Не гадай, не отгадывай! – сказал он. – А быстрее всех приберет свое рабочее место идеологический работник! Рот захлопнул – и всё!» – «Нет, – подумал Сергей Васильевич. – Рот захлопнул, а косное слово осталось!»

Сергей Васильевич осмотрел зал – с задних рядов это сделать было совсем нетрудно. С удивлением он увидел, что многие заняты не докладом, а покупками. Сергей Васильевич посмотрел на мрачного соседа. Он в блокноте крупно написал фамилию руководителя района, жирно подчеркнул ее и тем удовлетворился – опустил голову на грудь и, кажется, задремал.

Некоторое разочарование от увиденного испытал Сергей Васильевич.

Руководитель района закончил говорить.

– А как у вас дела с ростом производительности труда? – зычно спросил с первого ряда вчерашний несшевелившийся.

Руководитель заглянул в доклад и стал пояснять, как у них обстояло с производительностью труда. Вчерашний несшевелившийся спросил о себестоимости выращивания огурцов в теплицах. Руководитель района снова заглянул в доклад и сказал, во сколько им обходятся тепличные огурцы.

– Не верю! – вскричал вчерашний несшевелившийся. – Что-то не так! У нас в Бабалыме себестоимость килограмма огурцов выше! Но мы ее не скрываем! А у вас что-то не так! А сколько киловатт-часов вы затрачиваете на один килограмм? А износ основных фондов в себестоимость вы закладываете? А расход горючего по подвозке топлива к котельным вы учитываете? – стал он допытываться у руководителя района.

Тот стал отвечать, но слова его Сергею Васильевичу не дошли, так как со всех сторон на вчерашнего несшевелившегося зашумели, мол, хватит, мол, об огурцах можешь поговорить и в перерыве. Тот же ничуть не унялся.

– Дайте разобраться! – стал кричать он.

И сколько ни был он несимпатичен Сергею Васильевичу, но Сергей Васильевич признал, что он прав, что на самом деле интересно узнать, из чего складывается стоимость килограмма огурцов, которые везде старались вырастить к Международному женскому дню, с тем, чтобы порадовать женщин-тружениц страны праздничным салатом с огурцами. В Союзе художников эти огурцы распределяли строго среди членов Союза и по паре штук. Члены Союза тащили их домой. А они, самые первые, соблазнительно-зеленые, нежно-ароматные, пупырчатые, лежавшие парочкой, более просились не на праздничный стол, а на холст.

Преподавательство или, так сказать, прения по докладу закончились с выходом на трибуну ответственного работника обкома, руководителя семинара.

– Да, товарищи! – в сознании того, что он никем не будет перебиваем, что слова его будут выслушаны с особым вниманием, сказал он. – Да! Нам, работникам идеологического фронта, должен быть интересен и килограмм свежих огурцов к столу трудящихся, и вообще все, что касается любой из сторон производственной, бытовой и культурной сфер деятельности нашего общества!

Он это сказал и выверено идеологическим, то есть строгим, не терпящим возражений, но и мобилизующим взглядом окинул зал.

Зал не возразил. Все, что только что при докладе руководителя района был занят, прямо сказать, как школьники на уроке, черт-те чем, то есть в основном разглядыванием своих покупок, сейчас оставили свои занятия. Даже мрачный сосед вспрял от дремы, записал в блокнот что-то похожее на «зав. отд. проп-ды обкома» написал фамилию этого «зав. отд.», опять жирно подчеркнул написанное и тоже стал смотреть на трибуну.

– Генеральный секретарь нашей партии Юрий Владимирович Андропов ставит перед нами, идеологами, серьезную задачу, товарищи! – сказал далее ответственный работник обкома. – В ближайшее время, должен я вам сообщить, намечается проведение пленума ЦК по идеологии, не созывавшегося, как вы знаете, последние двадцать лет! И Юрий Владимирович ставит перед нами задачу серьезного идеологического обеспечения выполнения планов пятилетки! Ведь вы только вдумайтесь! Сто сорок предприятий области из шестисот не выполнили в прошлой пятилетке план по росту производительности труда! Некоторые наши флагманы промышленности имеют по три, а то и по четыре прогула на одного работающего в год! Чья это недоработка? Прежде всего – наша, идеологических работников! А возьмите детскую преступность. У нас в области она выше почти в два с половиной раза общесоюзной! Растет число детей и подростков, доставляемых в вытрезители! У нас тридцать восемь разводов на сто браков! А это ежегодно восемнадцать тысяч детей остаются без отца! Вы понимаете, товарищи? И вместе с тем на ряде предприятий система партийной учебы сведена к нулю! Ряд руководителей предприятий совершенно не могли ответить на вопрос, что такое нравственное воспитание! Чья это недоработка? Прежде всего – это наша недоработка, товарищи!

И далее говорил ответственный работник обкома. И говорил он такое, чего Сергей Васильевич никогда не слышал и услышать ни от кого не мог. Газеты такого не писали. Радио такого не говорило. Телевизор такого не показывал. А зарубежные радиостанции «Голос Америки» и «Свободу» он не слушал и от тех, кто слушал, составил мнение, что «Голоса» и «Свободы» треплют только о диссидентах и отсутствии свобод в СССР, все выворачивая так, что в СССР есть диссиденты и нет свобод. А ответственный работник обкома говорил правду, и говорил правду очень тревожную. Сергей Васильевич слушал его внимательно, и тревога слов ответственного работника обкома передавалась ему. Ему захотелось кому-нибудь сказать об этой тревоге. И он отвлекся на зал. Сначала он посмотрел на своего мрачного соседа. Тот, кажется, снова дремал. Сергей Васильевич посмотрел дальше в зал. К его недоумению, зал по большей части снова занимался кто чем, но только не слушал ответственного работника обкома. Таких, кто слушал ответственного работника обкома, было немного. Они сидели на первых рядах, и головы их были повернуты строго на трибуну. Особо строго на трибуну была повернута грузная голова вчерашнего несшевелившегося.

Такое поведение зала покорило Сергея Васильевича. Оно никак не увязывалось у Сергея Васильевича с его представлением об идеологических работниках. К ним, в Союз

художников, они приходили строгие, отмобилизованные, уже своим идеологически выверенным внешним видом готовые в корне извести всякую крамолу. Они говорили об идейности в искусстве. Они говорили о том, как должен художник в своей работе руководствоваться тем или иным решением партии. Они говорили, что художник должен служить партии и народу, а остряки шепотом подчеркивали, что должен он служить именно в такой последовательности, сначала партии и потом народу. Говорили так остряки, однако слушали идеологических работников терпеливо, не позволяли себе ничего из того, что сейчас видел Сергей Васильевич в зале. «Но ведь это примерно так же, как если бы мы к своей работе стали относиться не как к работе, а как к безделью! – возмутился Сергей Васильевич. Он так возмутился, а потом подумал, что это просто невозможно – художнику относиться к работе, как к безделью, художник при этом тотчас исчезнет. – Рот захлопнул – и всё!» – с неприязненной усмешкой вспомнил он анекдот про идеологических работников. Неуютно стало Сергею Васильевичу.

3

На обед поехали в кафе. Татьяна Николаевна опять пригласила Сергея Васильевича на переднее сиденье. Сергей Васильевич не нашел возможным отказать. Она спросила, как, на его взгляд, проходит семинар, понравилось ли ему на семинаре. Сергею Васильевичу захотелось поделиться своей тревогой от услышанного. Ему захотелось поговорить о фактах, приведенных в докладе ответственного обкомовского работника. И ему захотелось сказать о непонимании того, что за причина была скрывать эти факты и говорить о них только вот на таких семинарах.

Но говорить он об этом не стал, застенялся – подумал: «Им это, небось, каждый день говорят или в сводках сообщают, то-то они на семинаре спят да фантастику читают!» – Еще ему захотелось сказать про милицию на перекрестках и на полевых дорогах, про книжную торговлю, сказать в том смысле, что как-то это нехорошо – бороться с нечестной торговлей, с укрыванием дефицитных товаров от населения и одновременно пользоваться этим укрыванием, то есть поощрять его, и какая же тут будет нравственность, о которой говорили на семинаре! Но и этого говорить он не стал. Понимание того, что это так заведено, что слова его прозвучат не только всуе, но и выставят его дураком, заставили его искать какой-то ни к чему не обязывающий ответ. И он начал говорить эти ни к чему не обязывающие слова. А тут в автобус грузно втиснулся вчерашний несшевелившийся и сразу навис над Сергеем Васильевичем.

– А вы не свое место заняли! Занимайте места согласно купленным билетам! – зычно и с каким-то превосходством, с какой-то своей незыблемой правдой сказал он.

– Да пройдите на другое место, Павел Петрович! Видите, мы разговариваем! – сказала Татьяна Николаевна.

– Нет! Кто с кем ехал, тот так и должен ехать! Пусть творческая интеллигенция пойдет на свое место! – затрубил вчерашний несшевелившийся.

Затрубил, и навис над Сергеем Васильевичем. Грузным своим и коротким телом, грузным лицом, широким пиджаком и даже галстуком, шляпой своей соломенной – всем навис он над Сергеем Васильевичем в стремлении утвердить какую-то свою и совсем не идеологическую правоту. Сергеем Васильевичу сквозь пиджак пахнуло испаренным – это при дожде-то! – его телом. И от пиджака пахнуло как-то не очень. И от шляпы, и от галстука – от всего вчерашнего несшевелившегося пахнуло Сергеем Васильевичу не очень. И Сергей Васильевич сказал вчерашнему несшевелившемуся «Позвольте!», встал и пошел на заднее сиденье.

– Надо занимать, как говорит наш советский народ, согласно купленным билетам! – сказал вчерашний несшевелившийся, видимо, полагая, что сказал остроумно и убедительно.

Татьяна Николаевна не ответила, а в кафе села за стол с Сергеем Васильевичем.

– Что вы ему постоянно уступаете? Он наглец, а вы уступаете! – укорила она.

Сергей Васильевич только улыбнулся, и улыбкой хотел сказать, ну-де, не связываться же с ним, и ему снова пахнуло тем, отчего он уступил место.

– Да ущербный он какой-то! – сказал Сергей Васильевич.

– Он наглый! Я ведь не в первый раз его вижу! – настояла на своем Татьяна Николаевна.

Подошел к столу Григорий Иванович.

– О, женщина, не побоюсь этого слова! – продекламировал он Татьяне Николаевне. – Не составите ли вы нам с Сергеем Васильевичем компанию на рюмочку чего-нибудь к обеду! Выбор там, – показал он на буфетную стойку, – выбор там огромен!

– А вот составим, и именно водочки! – весело сказала Татьяна Николаевна.

– Но предупреждаю, водочка там только импортная, то есть, по-нашему, просто одеколон! – сказал Григорий Иванович.

– Женщина, если вы не побойтесь этого слова, желает водочки! – снова весело сказала Татьяна Николаевна.

И только-то они взялись за стаканы, к столу приперся вчерашний несшевелившийся.

– Как вам, коллеги, доклад нашего?.. – он показал пальцем в потолок.

– Со всей определенностью! – сказал Григорий Иванович.

– А как творческой интеллигенции? – в прежнем, неизвестно с чего берущемся превосходстве и, кажется, даже в сладости этого превосходства спросил он Сергея Васильевича.

А Сергей Васильевич, как держал в руке стакан, так и плеснул ему в лицо.

Все мировое искусство и особенно кинематограф с особенным удовольствием живописуют последующую сцену двумя вариантами. В первом варианте – это жуткая драка с ломанием столов, битьем посуды и еще чем-нибудь зрелищным. Во втором же варианте, напротив, – потерпевшая сторона в нагнетании внутреннего жара молча и неподвижно сидит минуту, потом со словами: «Ты мне за это ответишь, козел!» – удаляется. Иногда последнее слово не произносится.

Здесь же вышло не так. Здесь вчерашний несшевелившийся, совершенно не ожидая подобного способа передачи ему водки и почувствовав ее на своем лице, на галстуке, на

лацканах пиджака, сказал: «Ап!» – Григорий Иванович при этом сказал: «Оп-па!» – а Татьяна Николаевна запоздало схватила Сергея Васильевича за руку. «Что вы делаете!» – приглушенно вскрикнула она.

– Еще надо? – спросил Сергей Васильевич вчерашнего несшевелившегося.

– Нет! – сказал вчерашний несшевелившийся и потряс грузным лицом, как бы стряхивая водку, а потом ловко облизал толстые губы и подался всей грузной фигурой к Сергею Васильевичу, отчего стол со скрипом сдвинулся с места. – Нет! Не откажусь! Но лучше в стакане! – сказал он придурковато.

– Бабалым! – картинно почесал маковку Григорий Иванович.

– Бабалым! – подтвердил вчерашний несшевелившийся.

– Утритесь, Павел Петрович! – в некотором страхе за последствия выходки Сергея Васильевича, протянула вчерашнему несшевелившемуся салфетку Татьяна Николаевна.

– А что нам, Бабалыму! Бабалыму так и надо! Мужик идет с синяком под глазом. Сосед спрашивает: «Чо у тебя синяк-то?» – «А хотели под зад пнуть, да я увернулся!» – отвечает. В Бабалыме так! – сказал вчерашний несшевелившийся.

– В Бабалыме так! – стараясь беззаботно, но в том же страхе, что и страх Татьяны Николаевны, сказал Григорий Иванович.

Сергей Васильевич был человеком простым. Еще раз скажем, что вырос он в деревне и отслужил на заставе Широкий Ключ Дальневосточного пограничного округа, выучился в Суриковке, где нравы тоже были еще те. Не был он, как в народе говорят, этаким интеллектуалом. А тут, как бесом обуян, не к идеологическому семинару будь оно сказано, тут вскобечиваясь он, встал из-за стола да и пошел вон из кафе. «Затрепыхались! Тепленького местечка потерять забоялись!» – глядя, как все смотрят на него, подумал он.

После обеда, у многих случившегося в соприкосновении с буфетом, поехали на экскурсию по городу. Сергей Васильевич сел в автобусе на свое последнее место. Вчерашний несшевелившийся, явно не обошедший только водкой Сергея Васильевича, влез в компанию к женщинам и уткнулся с ними в другой автобус. Татьяна Николаевна ехала в одиночестве.

Дождь перестал, и пригрело. Сквозь стекло левую сторону лица Сергею Васильевичу даже стало припекать. В не совсем ладном настроении он смотрел на городишко, ничем не отличающийся от других городишек. Он был вроде бы советским, и даже, судя по плакатам и лозунгам, густо лепящимся на всем, где только можно прилепиться, он строил коммунизм, но строил его как бы не себе, а кому-то далекому и неведомому, к городишке совсем не относящемуся. Себе же городишко коммунизм как бы не строил, потому что был городишко деревянным, кособоким и черным, совсем для коммунизма не подходящим. Жил и дышал он остатками того, что ему осталось от далекой старины. Печаль навел он Сергею Васильевичу. А ведь не плохой он был, городишко. Даже определенно был

он, хороший, ну, например, хороший своей живописностью, своим остатком старины, да хотя бы той же навеваемой печалью. Разве этого мало для художника! Но сейчас Сергей Васильевич смотрел на городишко не как художник. Он смотрел на него как бы идеологически, в свете семинарского доклада о неладах в экономике, о проблемах в нравственности и вообще доклада, полного для Сергея Васильевича тревоги. Потому и печаль Сергея Васильевича была другой, не связанной с живописностью. На фабрике им показали цеха еще купеческой постройки и станки производства одна тысяча девятьсот четвертого года, привезенные из Германии в качестве контрибуции. «А ничего! Работают! Даем план!» – бодро говорил фабричный парторг. И все смотрели на станки и даже в смеси удивления и одобрения кивали головами – удивлялись добротности германской работы и одобряли изворотливость фабричных трудящихся, умеющих давать план на оборудовании, о каком сама Германия забыла с самого сорок пятого года. На пустыре, названном парком, ведущий экскурсию ответственный работник городишкенского райкома показал два несколько необычных, с какими-то этакими европейскими фронтонами старых и заброшенных дома при нескольких превосходных по величине и виду лиственницах. «А это, – сказал, – Это наша гордость! Это дома построены декабристами! И это, – показал на лиственницы, – посажено их руками! – сказать сказал, но как бы застенялся плачевного вида своей гордости и общей картины печали, здесь особенно сгустившейся. – Средств пока не хватает, товарищи! – сказал он и следом заверил: – Но в плане благоустройства города заложена реставрация и этого участка!» – и довольно много рассказал о декабристах, построивших эти дома, посадивших эти лиственницы, об их жизни в городишке, жизни для них безрадостной и полной лишений, но вопреки которой они сделали много для просвещения жителей. И ничуть не рассказал он о том, каково жилось самим жителям – радостно или безрадостно, с лишениями или без них.

Сергей Васильевич это отметил и в своем настроении вдруг об этом спросил.

– Вы говорите, у декабристов она была полна лишений. А почему только у декабристов? У всех остальных жителей она была разве радостной? – спросил он.

– Что вы сказали? – не понял его вопроса ответственный работник райкома.

– Нет, ничего! – сказал Сергей Васильевич, как-то враз осознав, что его вопрос идеологически не выверен и не выверен как раз потому, что был неожиданным, ответственным работником не запланированным.

Ответственный работник строго посмотрел на Сергея Васильевича и стал говорить дальше о полной лишений жизни декабристов и как бы стесняться за плачевность памяти о них и одновременно со стеснением внушать уверенность за временность плачевности. И Сергею Васильевичу было видно, что стесняется он только за плачевность памяти о декабристов, а совсем не за кособокость и черноту городишки, живущему остатками того, что построили современники декабристов.

Так видел Сергей Васильевич. И возможно, он видел так только под впечатлением своей стычки с вчерашним несшевелившимся, перекадывая его поведение на всех иде-

ологических работников, на всех без разбора руководителей. И если так, то подобный взгляд хотя бы как-то мог быть оправдан. А если не так, то можно было бы сказать о наличии в мировоззрении Сергея Васильевича нехороших тенденций, ранее у него не замечаемых и присущих только диссидентам и прочим отщепенцам.

Мимо, оживленно переговариваясь, прошла стайка местных женщин с туго набитыми сумками и кошелками.

– Ой, спасибо вам, товарищи! Чаше к нам приезжайте! – сказали они. – Вы приехали, так уж нам с торговлей расстарались! Прямо с машины купили вот и селедочки, и колбаски, и огурчиков свежих! Спасибо! Почаще приезжайте, мы хоть сыты будем!

– Приедем, приедем! – откликнулись несколько голосов.

– А вы к нам в Бабалым приезжайте! – подал зычный голос вчерашний несшевелившийся.

– Да где уж нам! Лучше вы к нам почаще! – сказали женщины.

К Сергею Васильевичу подошла Татьяна Николаевна и молча остановилась, наверно, в ожидании, что Сергей Васильевич заговорит первым. А Сергей Васильевич молчал, только смотрел на дома декабристов и лиственницы. Татьяна Николаевна тоже стала смотреть на дома декабристов и лиственницы. Но, наверно, она смотрела на них по-другому, не так, как смотрел Сергей Васильевич. Все-таки она была идеологическим работником. Сергей Васильевич именно это и подумал: «Смотрит, небось, по-своему, по-идеологически!»

– А знаете что! – сказала она после некоторого молчания. – Вы приезжайте к нам! У нас в городе прекрасный огромный монастырь! Вам будет интересно. Правда, там сейчас тюрьма. Но я смогу вас провести!

– А вы приезжайте к нам в дом художника. У меня как раз там выставка! Я думаю, вам будет интересно! – сказал он.

Весь остаток дня и весь вечер они были вместе. Весь остаток дня при всем остальном семинарском народе они больше молчали. Вечером же ушли с обильного со многими деликатесами и возлияниями ужина и долго-долго гуляли по темному и тихому городишке, снова вышли к домам декабристов, снова стояли и смотрели на их брошенные дома с черными провалами окон под какими-то незатейливыми, но на европейский лад, фронтонами, на черные, теряющиеся в черном небе лиственницы. В какое-то время они вдруг попытались заговорить об искусстве – конечно, начала говорить она. Но оба они быстро поняли, что говорить об искусстве не надо, что ночь, черные дома и черные лиственницы не хотят вместить в себя этот их разговор, что он идет не в лад с ними, как не в лад с их идеологическим семинаром прошла акварель косога утреннего дождя там, за рекой, в плоских и даже болотистых далях, как не в лад был его давешний вопрос. Они оба почувствовали, что надо говорить о чем-то ином, что разговор об искусстве – это только какая-то не совсем плотная завеса перед тем, о чем надо говорить. Но оба же они понимали, что о том говорить не надо. Оба они были не свободны – он женат, она замужем. Но им вместе в этот вечер и в этом городишке было хорошо. И они опять гуляли, опять отдалялись от черных домов и черных лиственниц декабристов, и опять возвращались к ним.

Уже ночью, расставаясь, они пожали друг другу руки.

Григорий Иванович при появлении Сергея Васильевича проснулся и заворчал свое: «О, женщины!.. – и далее заворчал, что вот носит Сергея Васильевича по этим женщинам, а простому идеологическому работнику, то есть простому русскому мужику при этом не с кем выпить. – Слишком далеки вы, интеллигенция, от народа! – сказал он, велел включить свет и показал на бутылку водки на столе. – Привет тебе от Бабалыма! Приходил выпить мировую!»

– Ну, хорошо! – сказал Сергей Васильевич.

Он был полон теплой чернотой городишки, присутствием в нем Татьяны Николаевны, их незначимым и простым разговорам, простым, но почему-то открывающим обоих друг для друга и что-то у каждого в душе защемляющим, вероятно, дающим понять, что никогда уже у них не будет ни этого городишки, ни этого семинара, ни этого вечера.

– Ну, хорошо! – сказал Сергей Васильевич, усмиряя сердце.

– Ох, и тяжело с вами, интеллигенцией, без нагана! – ворчливо сказал Григорий Иванович.

– Не тяжелее, чем с вами, властью, без него же! – в тон ответил Сергей Васильевич.

– Мы не власть! – сказал Григорий Иванович.

– А мы не интеллигенция! – сказал Сергей Васильевич.

5

Через много лет Сергей Васильевич, председатель правления Союза художников, был приглашен на расширенную коллегию областного министерства культуры. В стране не было уже ни ЦК, ни обкомов, ни райкомов, ни самой идеологии – в том смысле, в каком она была при названных формах власти – и, конечно, не проводилось никаких идеологических семинаров, идеологических опять же в том смысле, какими они были в те времена. Идеологическими же в ином, новом и даже инаком, смысле они явно проводились. Новая и иная форма власти народу сказала, что страна свободна от идеологии. Из этого значило, что идеологии не было, что семинаров не проводилось. Но они явно проводились. Да и быть другого не могло. Какая же власть рискнет ничего народу не втолковать! Но это так, к слову.

Сергей Васильевич был приглашен и, конечно, поехал. Коллегия проводилась так же в глубинке, в небольшом городишке. Расширенной она называлась потому, что в ней принимали участие все руководители районных и городских органов управления культурой. Министерство выделило автобус, хороший, импортный, свободный и удобный. И ехать в городишко было совсем не целую ночь, как бывало раньше, а всего-то три или четыре часа. Значимость коллегии придавал тот факт, что на ней должен был присутствовать председатель правительства области, очень уважаемый и довольно простой человек. Сергей Васильевич с ним встречался не раз, и они всегда находили взаимопонимание. Находил ли взаимопонимание с прежней властью прежний председатель правления, Сергей Васильевич не знал. Но можно было догадаться, что находил – ведь если бы не находил, тогда бы и не был председателем правления. По этому вопросу у власти всегда строго. Но это опять так, к слову.

Сергей Васильевич сел на привычное заднее сиденье, уже за многие годы подобного рода поездок усвоив, сколько хорошо именно заднее сиденье, дающее какой-то особый

уют, особый покой, какое-то особое положение пребывать со всеми вместе и в то же время пребывать только с самим собой, что для художника, да и просто чуткого человека, было немаловажно. Еще Сергей Васильевич любил в дороге безотчетно, как бы отключенно, смотреть в окно, смотреть молча, ни с кем не делаясь впечатлением, не комментируя увиденное даже для себя. И в этом отношении заднее сиденье тоже было выигрышным.

Смотреть за окном, прямо сказать, было что. Близ города дворцовало, то есть красовалось, кичилось, лезло из кожи, гнуло пальцы и царило безстилье построек нуворишей во всей их потуге подражать, так сказать, зарубежным аналогам. А подальше от города и тем более в той самой глубинке, о которой уже упоминалось, цеплялась за землю, клонилась к ней, смотрела катарактой оконных провалов пустых изб, а то и вовсе лежала бездыханно деревня. В обоих случаях от увиденного Сергеем Васильевичу приходило на ум слово «гниет». Только в первом случае оно имело идеологический смысл из учения марксизма-ленинизма, говорившего о загнивающем капитализме. Во втором же случае оно никакого иного смысла, кроме бессильной боли и констатации гибели деревни да и всей глубинки, не имело. Хотя, наверно, можно было тоже придать гибели ее тот же идеологический смысл, ибо и она в условиях новой формы власти погибала не сама собой, а, так сказать, с посторонней помощью. Но у Сергея Васильевича боль перевешивала. Может, и не трибун был Сергей Васильевич – так что?

В этом вот безотчетном созерцании Сергеем Васильевичем земли родной, в негромком разговоре соседей приехали на коллегию.

Встречи такой, как некогда на семинаре идеологических работников, конечно, не было. Вышел к автобусу соответствующий заместитель министра, приехавший вместе с министром и другими заместителями отдельно. Вышли местные руководители культуры, высыпали некоторые руководители культуры других районов, приехавшие своим транспортом и жаждущие встретить своих закадычных коллег. И среди всеобщего радостного гула Сергей Васильевич вдруг услышал давно забытое зычное «И Бабалым!» Тотчас же этот «И Бабалым» принес Сергею Васильевичу и Татьяну Николаевну, и темный тихий городишко, по которому они, не прикасаясь друг к другу, гуляли и долго смотрели на черные силуэты декабристских домов с вычерченными листовницами сначала на еще не совсем почерневшем небе, а потом потонувшем в его черноте. И прежде, чем вспомнить, что ни он не поехал к ней смотреть ее монастырь с тюрьмой внутри, ни она не поехала смотреть его выставку, и прежде, чем вспомнить о тогдашнем их обоюдном ощущении, о нужности и ненужности им обоим того вечера – ведь оба были не свободны, прежде, чем понять, что то ощущение их не обмануло, он воедино соединил себе только что созерцаемые катаракты оконных провалов пустых деревенских изб в придорожных деревнях с такими же слепыми давними окнами тех декабристских домов. Что-то в этом он нашел. Но следом, или даже вместе с этим, в сущности, светлым и вполне к месту представлением всплыли свежие огурчики с того семинара, их себестоимость, едва не дискуссия на тему этой себестоимости, всплыла идущая стайка довольных покупками местных женщин с этими самыми огурчиками.

– Господи, Боже мой! – едва не воскликнул Сергей Васильевич, человек умеренно верующий, то есть просто соблюдающий некоторые церковные ритуалы. И это не рожденное на свет восклицание должно было обозначать только то, что очень ему не понравилось такое житейское соединение того хорошего и трепетного, что было в тот вечер, с какой-то себестоимостью свежих огурцов, а более-то не понравилось соединение воспоминания о Татьяне Николаевне с зычным: «И Бабалым!»

Сергей Васильевич вышел из автобуса. Бабалым, то есть тогдашний несшевелившийся, такой же грузнолицый, крепкий и приземистый, кажется, нисколько и не постаревший, будто и не было этих прошедших лет, с широкой улыбкой тяжелых губ оторвался от толпы ему навстречу.

– А, Сергей Васильевич! Следим, следим за вашими успехами! Весь Бабалым следит! – взялся он тискать ладонь Сергея Васильевича, а Сергей Васильевич увидел, что он довольно пьян.

– Да какие успехи! Всё – так себе! Спасибо! – стал отворачиваться Сергей Васильевич.

– Как же! Успехи! Ваше это звание заслуженного художника чего стоит! – вязко держал Бабалым около себя Сергея Васильевича, в целом приятно для Сергея Васильевича упоминая о недавно полученном им почетном звании, и вдруг предложил: – А пойдем, Василич, в мою машину, выпьем, как старые кореша!

– Со свежими огурчиками? – сорвал с языка Сергей Васильевич, и едва опять не воскликнул «Боже мой!», так стало от этих свежих огурчиков ему нехорошо.

– Ну, это не вопрос, свежие огурчики! – конечно, не понял его Бабалым.

Пить Сергей Васильевич не стал. А подошедший соответствующий заместитель министра радушно увлек его за собой.

На коллегии министр, симпатичная не без обаяния женщина, сделала обзорный доклад деятельности министерства и его структурных подразделений, а также органов управления культурой на местах. Много хорошего было сказано о самоотверженном труде клубных работников, библиотекарей, музейщиков, реставраторов, педагогов художественных и музыкальных школ, педагогов консерватории и музыкальных училищ, артистов театров. Хорошо было сказано о деятельности творческих союзов с особым почетным выделением имен их руководителей в том числе, конечно, и имени Сергея Васильевича с упоминанием его почетного звания заслуженного художника. Было сказано о трудностях, порой очень значительных трудностях, в которых приходилось трудиться работникам культуры. Не забыты были и их маленькие по сравнению с другими работниками бюджетных сфер зарплаты, что особенно оттенило самоотверженность труда работников культуры. В том месте, где министр стала называть наиболее отличившиеся учреждения и районные управления, вдруг, перебивая микрофон, увесисто, будто некий булыжник, из глубины зала на сцену вылетел зычный: «И Бабалым!» – Зал не очень этично прошепестел хохотком. Министр от неожиданности остановилась в своем перечислении, поглядела в зал и кратко сказала:

– Да, конечно, Павел Петрович! И Бабалым!

Она так сказала. Но по голосу можно было определить, что Бабалым все-таки не входил в перечень наиболее отличившихся и вызвал согласие министра только по причине большой воспитанности министра.

Дальше министр стала говорить о задачах на предстоящий период, о выделении средств, разумеется, недостаточных для решения задач, и стала называть те учреждения и районы, кто подлежал первоочередному министерскому вниманию. И опять в конце перечисления на сцену из зала вылетело зычное: «И Бабалым!» – и снова не очень этично зал прошелестел хохотком и с тем только отличием, что на этот раз с нескольких мест на этот «Бабалым» прицыкнули.

– Нет, Павел Петрович! В этом году в число первоочередных вы не входите! Мы и так по вашему настоянию в прошлом году вынуждены были профинансировать вас без очереди! – сказала министр.

– И Бабалым! – то ли пьяно, то ли по характеру упрямо прозычил Бабалым.

Министр смутилась, чего раньше Сергей Васильевич за ней не наблюдал. Она смутилась, но доклад завершила так, как и подобает министру – по-деловому, с указующими перспективами не только в начертанных словах, но и в окрепшем, мобилизующем голосе. Бабалым молчал. Может быть, молчал сам по себе, а может, кто локтем ему в бок удачно приложился. Не слышно было Бабалыма.

Коллегия поработала на славу. И в конце ее работы министр любезно передала слово председателю правительства, как было упомянуто, человеку всеми уважаемому.

Встретили его громом аплодисментов. Он улыбнулся и тоже много сказал о положении дел в области, не самой худшей в стране, а если точнее, так и вовсе одной из лучших областей, таких областей, которые совершенно по социалистическому образу хозяйствования, несмотря на отказ новой власти от социализма, часть своего заработанного отдавали в общий котел. Это, конечно, область очень затрудняя развиваться. Область постоянно вынуждалась отказываться от определенного количества программ промышленного, сельскохозяйственного и социального развития. И об этом говорил председатель правительства. И все в зале отнеслись к этому не совсем приятному известию с пониманием, как с пониманием, хотя и со вздохом, отнеслись к известию о том, что повышения зарплаты работникам культуры не предвидится.

И как-то все шло хорошо, с обоюдным пониманием, с приятностью для зала от того, что с ним делится проблемами и перспективами сам председатель правительства, и с приятностью для председателя правительства от того, что перед ним был народ культурный и все понимающий.

Всем было приятно. И вдруг председатель правительства, словно бы очнувшись от чар приятности, резко и даже с каким-то не присущим председателям правительства призывом, заставившим зал вздрогнуть, вскричал.

– Но что себе позволяет этот представитель Бабалыма! Что он себе позволяет! Он что? Он в частной лавочке? – вскричал председатель правительства. – Он что? Он не по-

нимает, где он находится? – и обернулся к застывшей от такого ораторского приема министру. – Каким образом он оказался в руководстве культуры Бабалымского района? Чтобы я его больше не видел! Как вы можете такое терпеть! Ведь вы...

А что «ведь вы...», он не сказал министру.

– Да-да! Конечно! – поспешно сказала министр.

И председатель правительства совершенно спокойно, будто и не вскрикивал, завершил свое выступление пожеланием всяческих успехов всем работникам культуры области в их незаметном, но таком необходимом и благородном деле.

За обедом Бабалыма не было. И Сергей Васильевич его больше никогда не видел. Он ехал с коллегии, безотчетно и как бы отключенно смотрел в окно. И он думал о Бабалыме. Он думал о нем словом «нелепый». Это слово рисовало ему много других людей, у которых, по их представлению, было в жизни как-то все не так, а на самом деле все было так. Это их собственное представление не давало им покоя. И они лезли пересилить это представление. Они силились перелезть через него и не видели, сколько это нелепо. «Нелепый, нелепый человек!» – думал Сергей Васильевич, вспоминал все его нелепые поступки. Они действительно были нелепы. Эта себестоимость тепличных огурцов, это требование от художников дать материал по идеологической пропаганде, это несшевеление с чужого места в купе, это демонстративное плескание в умывальной комнате гостиницы, эти выкрики о своем Бабалыме – все было нелепо.

– Все было нелепо! – в какой-то момент едва не сказал вслух Сергей Васильевич и с усмешкой подумал: – Вот было бы нелепо, если бы я сейчас это сказал!

И ему опять вспоминался этот нелепый человек, вспоминался давний городишко с семинаром по идеологии, в котором гордились заброшенными домами декабристов, но в котором можно было долго-долго, до самой ночи, ходить, а потом все это забыть до какого-нибудь случая. И ему вдруг пришла мысль съездить в Бабалым, в этот явно нелепый городишко с какими-нибудь, подобно декабристским домам, развалинами, которыми бабалымцы безмерно гордились, и может быть, еще раз так же, как в городишке с семинаром по идеологии, долго-долго, до самой ночи, с кем-то ходить, не прикасаясь друг к другу, а потом все это забыть.

Но творческие труды, труды общественные, труды административные, заботы о хлебе насущном уже потом, в большом городе, где Сергей Васильевич жил и руководил Союзом художников, как-то быстро эту мысль убрали, задвинули куда подальше. И Сергей Васильевич ни в какой Бабалым не поехал, как в свое время не поехал в городишко с тюрьмой в великолепном монастыре и чутким идеологическим работником Татьяной Николаевной. Он не поехал в Бабалым. Но нелепый человек вспоминался ему долго и как-то так долго, что вышло – городишко с декабристскими домами и лиственницами, где ему было хорошо с чутким идеологическим работником Татьяной Николаевной, так долго не вспоминался. И Сергей Васильевич думал, что он не поехал в этот нелепый Бабалым просто до какого-нибудь случая, что этот случай будет у него обязательно. Но раз от раза он себя все более спрашивал, зачем этот случай ему будет нужен. И не находил ответа. А если и находил, то отвечал словами, в сущности, довольно нелепыми. «Ну, может быть, и будет нужен!» – говорил он.